

На белом фарфоровом блюде с узором из снежных слив лежала золотистая манговая блин-панкейк, и Сун Сюй разрезал её на маленькие кусочки с помощью вилки.

Шэнь Синлань опустил голову, бросил на неё взгляд, покачал головой и ответил коротко и решительно:

— Мне нужно вернуться на вечернюю самоподготовку.

Сун Сюй слегка огорчился, но настаивать не стал:

— Тогда я в туалет.

Когда он ушёл, Шэнь Синлань откинулся на спинку стула. Свет скользил по контурам его лица, очерчивая изгибы, подобные текучей воде. Небо уже окончательно потемнело, не оставив ни лучика света, и на дороге зажглись редкие огоньки фонарей.

Длинные пальцы постукивали по столу — раз за разом. Шэнь Синлань опустил взгляд, погрузившись в свои мысли.

Внезапно раздался чей-то голос:

— Маленький Шу?

К обеденному столу подошла какая-то фигура в тонкой голубой полосатой рубашке и свинцово-серых брюках. Гость излучал мягкое, спокойное спокойствие. Он посмотрел на Шэнь Синланя, замер на пару секунд и только потом произмолвил:

— Тот парень, что был тут только что... твой парень?

Стоило ему заговорить, как Шэнь Синлань сразу понял, чего тот добивается. По сюжету оригинала столкновение Хэ Юя и Сун Сюя стало достоянием общественности, из-за чего в школе поднялась целая буря.

Все знали, что Сун Сюй — парень Хэ Шу, включая двух его названных братьев. Но когда это действительно произошло, они поначалу не сделали ничего, а затем принялись по очереди уговаривать Хэ Шу уступить Сун Сюя Хэ Юю.

— Да Сун Сюй просто ищет мимолетных развлечений, он не такой уж хороший человек. Незачем портить ради него братские отношения, авось через какое-то время он наиграется с Хэ Юем и вернётся к тебе?

Таковы были точные слова Хэ Цинчэна и Хэ Шэньюаня.

Тогда Хэ Шу счёл это невероятно абсурдным и безумным. Прямо перед Хэ Юем он насмешливо бросил:

— Тебе нравится подбирать мусор?

Лицо Хэ Юя слегка изменилось, он прикусил губу и произнёс с видом оскорблённой невинности:

— Прости... Я знаю, что брат очень любит его, но Сун Сюй сам навязывается...

Хэ Шу не желал слушать дальше. Гордо задрав подбородок и засунув руки в карманы, он перебил:

— Тогда забирай, он мне не нужен.

Сказав это, он ушёл, не оглядываясь.

Не успел он отойти далеко, как услышал, как за спиной Хэ Шэньюань и Хэ Цинчэн принялись наперебой утешать Хэ Юй.

Шаги, которые он нарочно замедлил, в этот момент показались жалкой шуткой.

Все вокруг стояли на стороне Хэ Юя, и лишь он один шёл против течения.

...

Шэнь Синлань не ожидал, что Хэ Цинчэн заявится так быстро. Он моргнул и тихонько протянул:

— Мгм.

Ресторан был залит мягким светом, звучала плавная музыка. Хэ Цинчэн стоял против света, из-за чего черты его лица казались особенно глубокими. Бросив беглый взгляд на оставшуюся на столе еду, он спокойно произнёс:

— Раз уж мы встретились, может, братец угостит тебя чаем?

Хотя это прозвучало как вопрос, у Шэнь Синлани почему-то возникло стойкое ощущение, что

собеседник даже не допускал мысли о том, что он может отказаться.

Испытывая к этому новоявленному брату самые прохладные чувства, Шэнь Синлань тут же изобразил улыбку:

— Я уже наелся, а если Сун Сюй вернётся и не застанет меня, он станет волноваться.

Выражение лица Хэ Цинчэна не изменилось ни на йоту. Скрестив руки на груди и стоя с прямой осанкой, он находился рядом с этажеркой, на которой стояла ветка магнолии — её бутоны почти касались его иссиня-чёрных волос.

Он опустил глаза, взглянул на часы, кивнул и небрежно бросил:

— Тоже верно. Тогда я подожду, пока вернётся Сун Сюй, и перекинусь с ним парой слов.

Шэнь Синлань: ?

Он-то думал, что только он один отклоняется от сценария, но почему Хэ Цинчэн тоже импровизирует?

Шэнь Синлань не удержался от мимолётного любопытства:

— О чём же?

Хэ Цинчэн бросил на него легкий взгляд. Его миндалевидные глаза блестели, словно омытые водой, а низкий, изящный голос звучал совершенно ровно:

— А как ты думаешь?

Встретившись с ним взглядом, Шэнь Синлань на мгновение забыл, что собирался сказать, и лишь потом пришёл в себя.

Разве могут быть добрые слова у того, кто ищет встречи с Сун Сюем после инцидента в роще?

Выходило, что все те сценки, что Шэнь Синлань разыграл ранее, пошли прахом? Разумеется, он не позволил бы такому случиться. Хотя в глубине души он противился этому всеми силами, он всё же поднялся на ноги:

— Каким чаем братец собрался меня угостить? Невкусный я пить не стану.

Этот западный ресторан был клубным, желающие поужинать должны были бронировать столики заранее, и Хэ Шу бывал здесь множество раз, так что можно сказать, знал это заведение как свои пять пальцев.

Хэ Цинчэн повёл его за собой по извилистым коридорам, не нуждаясь в услугах шедшего впереди официанта. Миновав украшенный цветами длинный коридор и отдельные кабинеты, они наконец остановились перед прозрачной дверью в красно-коричневой раме.

В комнате стоял маленький деревянный столик с полным чайным сервизом, а под ним лежали два плетёных пуфика. Хэ Цинчэн сделал ему жест рукой, приглашая присесть.

Устроившись полулёжа на пуфике, Хэ Цинчэн принялся споласкивать чайник, засыпать чай и мягко заваривать его. Его движения были изящными и неторопливыми — он не столько заваривал чай, сколько выписывал картину, источая атмосферу безмятежного досуга.

Пока он заваривал чай, они больше не обменивались словами. Шэнь Синлань бросил взгляд в сторону: отлично, время вечерней самоподготовки уже истекло.

Если уж председатель студенческого совета подаёт пример прогулов, то сам он прогуливает тем более на вполне законных основаниях.

Закончив церемонию пробуждения чая, Хэ Цинчэн длинными пальцами аккуратно подвинул к нему пиалу. В поднимающемся от неё клубящемся паре его глаза казались угольно-чёрными:

— Выкладывай. Что ты обо всем этом думаешь?

Шэнь Синлань принял пиалу. Ему не показалось — помимо чайного аромата, от чашки исходил едва уловимый, прохладный аромат снежной сливы.

Прикрыв ладонью край пиалы и скрестив ноги, он принял расслабленную и естественную позу:

— Сун Сюй — хороший человек, я ему верю.

В воздухе раздался едва слышный смешок — столь короткий, что он напоминал рябь на воде, которая исчезает в тот же миг, как возникает.

Трудно было с уверенностью сказать, не насмешка ли это. Шэнь Синлань прищурился, сделал глоток чая, чей вкус разлился по губам и зубам, и поднял голову.

Редкие огни ночного города пробивались сквозь панорамное окно, падая на уголки губ Хэ Цинчэна, тронутые лёгкой усмешкой. Поглаживая пальцами пиалу, он мягко произнёс:

— Не пожалеешь?

Шэнь Синлань легонько улыбнулся:

— Слухи утихают среди мудрых. Любишь человека — люби и всё в нём.

Он сделал паузу и пристально посмотрел в глаза собеседнику:

— К тому же я вовсе не один. У меня есть братья, которые меня защищают.

Перед ним стоял самый настоящий юноша, чьё сердце впервые познало любовь и который готов броситься в омут с головой — наивный, чистый, не ждущий подвоха ни от кого.

У кого, обладай он хоть капшей совести, хватило бы духу не испытать жалости?

Судя по внешнему виду, выражение лица Хэ Цинчэна не претерпело ни малейших изменений, на нём по-прежнему играла сдержанная улыбка:

— Я ведь тоже брат Хэ Юя.

Хэ Шу уже слышал эти слова бесчисленное количество раз. Каждый раз раненным оказывался он сам, а собеседник лишь сыпал соль на его раны.

<http://bllate.org/book/26521/3174734>